ССЫПЧИНА.

Сѣро и холодно на первое ноября. Нынѣшній годъ вѣренъ народному мѣсяцеслову: на Кузьму и Демьяна стали морозы; еще съ послѣднихъ пѣтуховъ понесло холоднымъ вѣтромъ съ полуночи, какъ народъ зоветъ — сѣверъ. На утро, крыши села Пречистенскаго побѣлѣли; темная, какъ свинецъ, рѣка начала стыть; въ прибрежныхъ кустахъ бушуетъ вѣтеръ: рветъ послѣдніе листья, поднимаетъ, крутитъ ихъ и сыплетъ куда ни попало.

— Видно не по грѣхамъ нашимъ Господь милуетъ насъ! скажутъ утромъ старики, завидя оголеный лѣсъ, — ни одного листика на Кузьму и Демьяна не осталось на деревѣ, — быть опять урожаю!

Въ полѣ голо, сыро и холодно. Придетъ зима, засыплетъ снѣгомъ по колѣна, затрещатъ морозы, подуютъ вьюги, занесутъ снѣгомъ дороги и дома и рѣку. Тяжела зима труженику–крестьянину и люду убогому: и ходъ въ избу, и ухожи

отрыть надо, и проруби расчистить, и корму скоту припасти и дровъ изъ лѣсу, хоть на себѣ выволоки, да подай! Однако, нынѣшняя зима не застала пречистенскихъ мужиковъ въ–расплохъ: они убрались въ полѣ, ухитили дома, поправили крыши, подперли и подновили огорожи, запаслись сѣномъ и дровами. Аннина изба также вычинена и ухичена: худая крыша мѣстами перекрыта новымъ тесомъ, крылечко сколочено, хлѣвъ подновленъ. — Какъ–то поживаютъ хозяева? Въ Анниной избѣ, какъ и на всемъ селѣ, огня не видать, народъ на праздникъ заспался подъ непогоду.

На дворѣ еще чуть брезжетъ; вотъ кто–то робко постукиваетъ въ поповское окно.

— Чего надо? спросила закутанная старушка попадья, выглядывая изъ подъемнаго оконца.

— Не прогнѣвайся, матушка, на мою докуку, сказала, кланяясь, худая, оборванная женщина, — дѣвчонка захворала, всю ночь простонала, да прохрипѣла, — передохнуть не можетъ,

такъ горло и захватило! Сдѣлай Божескую милость, дай крупиночекъ, что намедни давалъ батюшка моему парнишкѣ.

Попадья закрыла оконце и зажгла свѣчу; минутъ черезъ пять, оконце снова поднялось, маленькій сверточекъ упалъ къ бабѣ въ подставленную полу, старческая рука священника осѣнила крестнымъ знаменьемъ робкую, забитую женщину. — Иди съ Богомъ, Настасья, Господь поможетъ тебѣ! сказалъ священникъ, закрывая оконце, въ которое такъ и рвался рѣзкій холодный вѣтеръ.

— Вѣдь вотъ подумаешь, сказала попадья мужу, — и не знаешь чего взаправду ей у Бога просить, здоровья ли ребенку, или милости, чтобы снялъ съ нее тяготу да прибралъ ребятъ?

— Проси всегда одного, сказалъ священникъ, — проси воли Господней! Онъ лучше нашего знаетъ кому чѣмъ помочь!

Попадья замолчала, но въ умѣ и сердцѣ ей безпрестанно думалось о судьбѣ бѣдной разоренной женщины, которой мужъ за грабежъ и поджоги недавно сосланъ былъ

въ Сибирь. — Что–то будетъ съ нею съ горе–горькою? думаетъ жалостливая попадья, — взята–то она сиротою, со стороны взята изъ–за богатства; деньги мужъ прогулялъ, все добро прожилъ, а ее съ сумой да съ ребятами одну между чужими людьми покинулъ! Мужнины дядья отъ него самого откинулись, а ее и подавно знать не захотятъ! Кручина бабу съ ногъ собьетъ, а нужда и вовсе заклюетъ!

— Нѣтъ, прошептала старушка, — по–моему, лучше дѣтей схоронить и самой лечь въ могилу, чѣмъ жить въ такой нуждѣ, въ такомъ укорѣ! Въ этомъ раздумьѣ засталъ попадью первый ударъ колокола, и она, засуетясь, стала батюшку собирать въ церковь.

Народъ высыпалъ на улицу; поплелись, кутаясь въ тулупы, старики и старухи; идетъ хоронясь отъ вѣтра, нарядная молодежь. Сегодня дѣвичій праздникъ на всю Русь, сегодня ссыпчина, а непогода–то, непогода–то какъ разгулялась! такъ и рветъ и мечетъ! налетитъ на неухиченную Настасьину избу, рванетъ съ крыши

солому, закрутитъ и разнесетъ ее на мелкіе клочья; берегитесь! — сиротская невзгода запорошитъ глаза!

Народъ, жмурясь и хоронясь, спѣшитъ къ паперти; сегодня, по–церковному, и не великъ праздникъ, да ужь въ здѣшнемъ селѣ споконъ вѣку ведется праздновать мѣстный образъ, безсребренниковъ Кузьмы и Демьяна.

Сельская церковь не то что городская, она и темна, и низка, и позолоты въ ней не видать; но безокладныя иконы такъ знакомы прихожанамъ; они еще на рукахъ матерей всмотрѣлись въ темные ихъ лики, и сами тянулись, чтобы приложиться къ мѣстнымъ образамъ. Дѣти росли, мужали, старились, росли или падали духовно, а низенькая церковь одинаково отворялась для добрыхъ и злыхъ, одинаково глядѣли на нихъ темныя иконы, пробуждая порою въ загрубѣломъ человѣкѣ забытыя младенческія чувства. Въ сельской церкви всякъ молится по–своему; одинъ только вздыхаетъ, другой молитву шепчетъ вслухъ, третій, широко крестясь, со всѣхъ ногъ

кланяется въ землю. Въ концѣ обѣдни, при послѣднемъ выходѣ священника, толпа подвинулась впередъ, чтобы приложиться къ кресту, но батюшка креста не вынесъ, а, осѣнивъ себя большимъ крестнымъ знаменьемъ, началъ къ прихожанамъ слово: — Дѣти! поблагодаримъ Бога за великую Его милость къ намъ, за урожайный годъ, за здоровую сухую осень! Ждали ли мы такую траву, такіе хлѣба, какіе совершилъ Господь! овощей собрали множество, и себѣ и на продажу, хозяйки насолили и насушили грибовъ на всѣ посты, — всего послалъ вамъ Господь вдоволь!

«Чѣмъ же мы поблагодаримъ Отца нашего за Его къ намъ любовь и милость? сказалъ священникъ и посмотрѣлъ на своихъ духовныхъ дѣтей. Всѣ стояли, глядя на него, потомъ нѣкоторые полѣзли за пазуху, въ народѣ показалось какое–то общее движеніе; священникъ остановилъ ихъ словами: — Ни свѣчи вашей, ни жертвы не нужно Богу! Онъ Самъ сказалъ: поймите

и научитесь, что Я вамъ говорю: милости хочу, а не жертвы!

«Слышите ли, дѣти, что Господь говоритъ, что Онъ милости нашей хочетъ, ни свѣчи, ни приклада, а милости! Къ кому же милости? Къ сиротѣ, къ бѣдному, холодному, голодному! Не свѣча твоя станетъ предъ Богомъ, а душа! подавай милостыню теплой рукой, то есть, самъ, пока живъ, своего дѣла другимъ не оставляй!

«Кому же мы сегодня сложимся и подадимъ ради Бога? кто всѣхъ убожѣе?» Сказавъ это, священникъ помолчалъ, давая время прихожанамъ надуматься; мужики и бабы стали переглядываться, искать промежь себя кто бѣднѣе. Священникъ опять заговорилъ, и все утихло: — «Убожѣе да горемычнѣе Настасьи на всемъ селѣ не найдете! не отговаривайтесь, дѣти, тѣмъ, что де мужъ ея, Вахромка, былъ грабитель и разоритель вашъ. Не всѣ же и вы чисты передъ Богомъ! а Онъ всѣмъ вамъ равно послалъ милость свою; ни чьихъ полей не обошелъ дождемъ, всѣхъ за одно напиталъ,

и пьяницъ, и трезвыхъ, и смирныхъ, и буйныхъ. Будьте же и вы милосерды до сиротъ, какъ Онъ до васъ; насытьте ихъ, какъ Господь насытилъ васъ самихъ. Теперь вы всѣ убрались, и въ полѣ, и около домовъ — у васъ все ухичено. А посмотрите–ка сиротскую–то избу! она, почитай, что на боку лежитъ, крышу не сегодня, завтра вѣтеръ по порошинкѣ разнесетъ; хозяйка съ дѣтьми чуть жива, — хлѣба не сѣяла, травы не косила... Вотъ, дѣти, куда надо подать! Самъ Господь приметъ тамъ ваше даяніе! несите же мѣрой полной, несите всякій, кто хлѣбомъ, кто льномъ, кто капусткой, кто грибами, сказалъ священникъ, обращаясь къ бабамъ, — все, что дадите, все хорошо, всякое даяніе благо! Сегодня на всей Руси ссыпчина, — ссыпайте же и вы, православные, милостыню свою мѣрой полной; какою мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ, сказалъ Господь.

— Мама, послухай–ка, матушка, кричала Агаша, вбѣгая въ избу, — послухай–ка, что въ церкви–то дѣлалось!

— Что дѣлалось? вѣстимо что, — православные молились!

— Молиться то молились, протяжно сказала Агаша, — а что батюшка то говорилъ, ты вотъ что послухай! онъ говоритъ, что Богъ велѣлъ Настасьинымъ сиротамъ помочь, за то, вишь, что Онъ намъ много хлѣба уродилъ; а Скрипничихѣ батюшка сказалъ: ты дай ленку да капустки, ну, а Скрипничиха и говоритъ: — коли другія дадутъ, и я дамъ.

— А мы, мама, согласье дадимъ? спросила взволнованная дѣвочка, заглядывая въ глаза матери, — и вдругъ вспомнивъ о чемъ–то, закричала: — отдадимъ ей моего краснаго кочетка!

— Что же, умница, отдавай, сказала Анна, поглаживая дочь по головкѣ.

Поднялась въ избѣ суматоха; Агаша гоняется за пѣтушкомъ, пѣтушокъ отъ нея; онъ на лавку, она за нимъ; онъ подъ лавку и она за нимъ; онъ вскочилъ на столъ и только захлопалъ крыльями, какъ дѣвочка, подкравшись, схватила его. Тутъ опять пошла у нихъ драка межъ собой: пѣтухъ не

хотѣлъ смирно сидѣть въ Агашиномъ зипунѣ; дѣвочка, барахтаясь съ нимъ, хохоча выбѣжала на дворъ и потащила своего кочетка, куда слѣдуетъ.

Около Настасьиной избы народъ кишѣлъ, какъ въ муравейникѣ: бабы, ребята толкались то въ избу, то изъ избы; проповѣдь священника расшевелила всѣхъ; кто по чувству, а кто изъ подражанья, но всѣ спѣшили туда съ какимъ нибудь даромъ; нанесли: холсту, льну, шерсти, огородной овощи, грибовъ. Дверь сиротской избы не поспѣвала затворяться, — крестясь входили въ нее. Нашъ православный народъ всегда съ молитвой подаетъ милостыню. Хозяйственное приношеніе шло отъ бабъ; мужики же всѣмъ міромъ собрались вокругъ избы, чтобы рѣшить, за что сперва приниматься: за крышу или за ухожи.

— Что тутъ долго калякать, — сказалъ Василій Воропаевъ, самый толковый плотникъ изо всего села, — коли дѣлать дѣло, такъ дѣлать его, какъ слѣдуетъ быть! — Ты, кумъ, съ Тимохой полѣзайте

на крышу да потолкайте стропило, не подгнило ли? а плетень и поправлять нечего, глядите ка: во, вотъ что! сказалъ онъ, и отъ двухъ сильныхъ пинковъ его плетень съ пылью повалился на землю.

— Чего силу пробуешь! крикнулъ кто–то сердито изъ толпы, — плетень бы подпереть пасынками, такъ онъ бы всю зиму простоялъ.

— Эхъ–ста, раздобрился! а весною ты что ли его заплетешь! Ай да Карпъ Тимофеичъ! нѣтъ, братъ, видно чередъ и до тебя дошелъ распоясаться, да малую толику на сиротъ прикинуть, отвѣчалъ тотъ же молодецъ Воропаевъ, — ужь что міръ присудилъ, такъ тому и быть! а міръ положилъ все удѣлать заново, и хлѣба дать по полупуду съ дома, то есть съ избы, и сѣна коровѣ до новой травы.

— Ужь чего, чего не нанесли Настинькѣ! говорила тараторка Василиса, повстрѣчавъ Анну съ ведрами, — словно все село навоселье справляетъ, а она то, она, и плачетъ и смѣется! Ужь и я наплакалась, глядя на нее; и печку ей затопила,

послѣдній хворостъ извела, благо міръ положилъ сегодняшнимъ днемъ ей дровъ навозить: и на твоего Кирюшу одну подводу положили.

— Что міръ, то и мы, весело сказала Анна.

— Да вѣдь, вотъ, и тебѣ Господь помогъ, заговорила Василиса, — и все съ той поры, какъ ты пріютила бабушку Арину; тебя и не признать, ты словно выросла, помолодѣла, хоть снова подъ вѣнецъ! глядишь, словно усмѣхаешься, идешь не горбишься, лапотками постукиваешь, ведерки на коромыслицѣ поплясываютъ, заговоришь, голосъ чистый, звонкій, о кашлѣ да удушьѣ помину нѣтъ! Мы такъ съ бабами на томъ и положили, что Арина знаетъ такое слово, она заговорила, сдула съ тебя лихую болѣзнь!

Отчасти бабы правду говорили: Арина подняла свою хозяйку, но не знахарствомъ, а неусыпной заботой: поила Анну парнымъ молокомъ, кормила ее тѣмъ же молокомъ съ толокномъ, не давала рано вставать, ни поздно ложиться, разъ по десяти въ день

заставляла промывать больные глаза, и Анна, отвыкшая заботиться о самой себѣ, покорилась усердной распорядительной старухѣ, спала до самаго солнышка, ложилась рано; ѣла сытно, работала не изнуряясь. Такимъ–то образомъ, безпріютная старуха выхолила свою хозяйку; болѣзнь, какъ бабы говорятъ, сдула, слѣпоту сняла, а пуще всего заговорила кручину — утѣшными, разумными словами.

Василиса долго бы еще разсказывала Аннѣ, какъ ее же, Анну, поила бабушка Арина утренней росой, какъ по зарямъ ходила она за водой и нашептывала на воду здоровье, какъ передъ доеньемъ обмывала корову, и мало ли чего еще не разсказала бы словоохотливая тараторка, провожая Анну къ рѣкѣ, но, повстрѣчавшись съ кумой, которая съ полными ведрами поднималась въ гору, увязалась за нею. Василиса обрадовалась, что нашла человѣка, не знавшаго еще ея вѣстей.

Хотя съ восходомъ солнца вѣтеръ поутихъ, но облака все еще бѣгутъ съ

холодной полуночи, съ сѣвера, и то пахнутъ снѣжкомъ, то на бѣгу сыпнутъ крупой: сыплется, стучитъ мелкая крупа по берегу на радость ребятишкамъ, которые, не взирая на непогоду, уже собрались на любимое мѣсто у рѣчки; съ веселымъ крикомъ набросилась мелюзга на крупу, и ну сгребать кучками, — ни дать, ни взять, воробьи барахтаются въ пыли.

— Агаша, иди что ли ѣсть, закричала мать, поднимаясь съ ведрами. Дѣвочка наскоро, красными студеными рученками загребла свою кучку, ссыпала ее въ полу сѣраго зипунишка и спотыкаясь, побѣжала за матерью. Въ избѣ ихъ встрѣтила бабушка Арина съ полудюжиною дѣвчонокъ; тутъ были Агашины однолѣтки и постарѣе ея. Дѣвочки стояли въ ожиданіи чего–то, робко поглядывая то на вошедшую хозяйку, то на бабушку Арину. Старуха со смѣхомъ заговорила: «что вотъ де обидѣли дѣвчатъ взрослыя дѣвушки, выгнали ихъ изъ тѣхъ избъ, гдѣ ссыпчина, за то де, что до нихъ не доросли, да еще и прясть не умѣютъ, а я ихъ привела сюда и говорю,

коли Анна Герасимовна согласится, такъ мы свою ссыпчину затѣемъ, да и прясть васъ поучимъ.»

Услыхавъ о дѣтской ссыпчинѣ, Агаша съ визгомъ бросилась на шею къ бабушкѣ, отъ нея къ матери и до тѣхъ поръ ластилась и просила, пока мать съ хохотомъ оторвала ее отъ себя, сказавъ: — «Ништо, бабушка, коли охота есть; а я, чѣмъ могу, съ радостью готова помочь.» И не поспѣла она выговорить свое согласіе, какъ дѣти, не помня себя отъ радости, стали метаться то къ хозяйкѣ то другъ къ другу, то къ бабушкѣ Аринѣ; наконецъ порѣшили идти къ матерямъ просить харчей. Вся орда шарахнулась въ дверь и разбѣжалась по селу. За воротами осталась одна сиротка Варя, причетникова племянница; дѣвочка, прислонясь къ плетню, стала въ раздумьѣ: подруги побѣжали за съѣстнымъ, матери надаютъ имъ всячины: и яицъ, и масла, и муки! а куда пойдетъ она? — къ теткѣ? тетка прогонитъ, да еще, пожалуй, прибьетъ, скажетъ: не балуйся! — Лучше никуда не пойду, ни къ тѣткѣ, ни на

ссыпчину! рѣшила малютка, а у самой горе подступало къ горлышку и нависло крупными слезами на свѣтлыхъ рѣсницахъ.

— Варька, а ты ужь сбѣгала? закричала ей запыхавшаяся радостная Параня, которая сбѣгала домой и несла на ссыпчину маслица въ горшкѣ, да цѣлый подолъ картофелю. — А ты чего принесла? спросила она дѣвочку.

— Отстань! сердито сказала Варя и отвернулась.

— Ты не ходила что ли еще домой? допытывала Параня, ступай скорехонько, тетка дастъ чего нибудь!

— Да, какъ не дастъ! тумаковъ дастъ! печально отвѣчала Варя.

Паранѣ стало жаль, что сироткѣ не придется праздновать ссыпчину, въ которой участвовали только тѣ, которыя приносили что нибудь, складывая вмѣстѣ съѣстное, — таковъ былъ обычай ссыпчины.

— Да иди же, попытай! настойчиво говорила Параня, толкая сиротку, — иди, у васъ картошки много, тетка не пожалѣетъ!

Зло взяло сиротку. — Говорятъ тебѣ, что тетка не дастъ! крикнула она, и замахнулась на товарку свою кулакомъ.

— А не дастъ, такъ вотъ на тебѣ! сказала Параня и вывалила свой картофель на землю; сама же шмыгнула въ избу. Черезъ минуту вернулась съ Агашей, и обѣ стали съ хохотомъ подбирать картофель и ссыпать Варѣ въ подолъ; потомъ втолкнули пристыженную и заплаканную дѣвочку въ избу.

— Нишкни! сказала Арина, поглаживая сиротку по головкѣ, — я тебя, умница, прясть поучу; а какъ спрядешь хорошо ручничокъ другой, такъ теткѣ покажешь; она обрадуется, увидавъ, что и ты начинаешь работать и ей по–маленьку пригодна будешь, а то вѣдь отъ васъ, ребятъ, куда трудно жить на свѣтѣ!

У Вари былъ одинъ назолъ на тетку; ей и въ голову не приходило, что десятилѣтняя, неумѣлая, избалованная дѣвочка одна только обуза, а подавно, если въ семьѣ, и безъ нея домъ полонъ дѣтей, а средствъ къ жизни мало.

— Что взаправду, какъ я научусь прясть, да стану теткѣ ручники подавать! можетъ, и она также по головкѣ погладитъ, да умницей назоветъ! подумала Варя. — Давай, бабушка, прясть, поучи меня! сказала она весело.

Но хозяйкамъ теперь было не до пряжи; въ избу набралось болѣе десятка дѣвочекъ. Какъ только прослышали онѣ, что у Агаши ссыпчина, такъ и стали сбѣгаться со всего села. Кто побогаче принесъ куръ, масла, пшеничной муки, тѣ же, что побѣднѣе: яицъ, творогу, молока, картофелю, огурцовъ.

— Эхъ, дѣвчата, что васъ тутъ набралось? — сказала хозяйка, — чай и мѣста–то на всѣхъ не хватитъ!

— Не замай, матушка, всѣ помѣстимся; мы, пожалуй, изъ сѣней скамейку притащимъ; а коли тѣсно будетъ, къ сосѣдямъ сбѣгаемъ, принесемъ еще скамью да столъ, — кричала Агаша, не помня себя отъ радости.

— А я вамъ вотъ что скажу, дѣвчата: кто въ нашу ссыпчину хочетъ, тотъ добудь льна

да гребень съ веретеномъ, сказала бабушка Арина, — мы на своей ссыпчинѣ напрядемъ, какъ съумѣемъ, да и отнесемъ Настасьѣ; у нее всякая, и плохая, и хорошая пряжа, все въ дѣло пойдетъ!

Дѣвчонкамъ хотѣлось праздновать ссыпчину вмѣстѣ, и вотъ всѣ онѣ опять побѣжали домой; волей неволей, а дали имъ матери мочокъ льну, да гребни съ веретенами. Набилось дѣвчатъ полна изба, смѣхъ, давка, — радость великая! другъ у друга веретена пробуютъ, чье лучше поетъ, чье больше вертится; пересматриваютъ, чья мочка длиннѣе, чья волокнистѣе.

— Глядите–ка–сь, какая у Ѳешки мочка–то! знать, пожалѣла мать хорошей почеси, а изгреби ей намыкала! — кричала Дуня, теребя и показывая всѣмъ грубые очески льна, изъ котораго была намыкана мочка.

Ѳеша вспыхнула, выхватила у Дуни мочку и спрятала за себя.

— Чего прячешь? давайте, дѣвки, мы ея льномъ полъ подотремъ!

— Дунька! крикнула хозяйка, — не балуй! живутъ такія пряхи, — прибавила она, — что исланецъ–ленъ хуже изгреби спрядутъ!

Кажется, къ этимъ–то пряхамъ принадлежала баловница Дуня. Пока хозяйки собирали обѣдъ, у дѣвочекъ опять поднялся шумъ: та же озорница Дуня съ Полей стали выпытывать у Вари: чего принесла она на ссыпчину. Сиротка молчала, отвертывалась, а Дуня такъ и подступала къ ней, приговаривая: — Я принесла курицу, а ты чего принесла? сказывай! а не скажешь, такъ мы тебя и за столъ не пустимъ!

Параня вступилась за Варю и крикнула Дунькѣ:

— Отстань!

— Небось, такъ тебя и послушаюсь! сказала озорная дѣвчонка.

У ребятишекъ расправа коротка; Параня хлеснула Дуню, Дуня Параню, за Параню вступилась Ѳеша; Агаша съ другими бросилась за помощью къ матери. Аннушка скоро ихъ угомонила, пообѣщавъ Дунькѣ

выкинуть ее вмѣстѣ съ курицей ея вонъ изъ своей избы. Озорница притихла; дѣвчонки успокоились и стали дожидаться обѣда. Поѣли въ сласть, а лучшее изо всей стряпни, бабушка Арина спрятала къ ужину. Вотъ теперь принялися наши дѣвки за пряжу: у иныхъ то и дѣло нитка рвется, веретена падаютъ, катаются, путаются по полу; — по всей избѣ смѣхъ, хохотъ, возня.

— Ну, сѣла невѣстка прясть, берегите деверья глазъ! промолвила хозяйка, а бабушка Арина, стоя подлѣ сиротки Вари, учила ее прясть. Дѣвочка старательно тянула, хотя и толстую, но ровную нить, навивала ее, и опять запрядала, тихонько подергивая изъ гребня волокно за волокномъ и покручивая, отводила отъ себя веретено по мѣрѣ длины нитки. Какъ только веретенце стукалось пятою объ полъ, такъ она, не торопясь, свивала вперевертъ всю нить на свою маленькую четверть, и также мѣрно перематывала пряжу съ руки на веретено.

— Тонкопряхой будешь! рѣшила бабушка Арина, погладивъ ученицу свою по головѣ.

Варя весело вздохнула; что–то неясное, но радостное мелькнуло у нея въ умѣ; она пряла безъ устали и, чѣмъ далѣе пряла, тѣмъ скорѣе и ровнѣе навивался ручникъ. Мысль объ удовольствіи тетки все отчетливѣе становилась въ умѣ сиротки; она радовалась тому, что можетъ въ свою очередь быть полезной; — такое сознаніе пріятно каждому, а запуганой дѣвочкѣ и подавно.

— Ты что, Ѳеша, шатаешься! ты, дѣвка, сиди прямо, только руками безъ устали шевели, гляди: вонъ Агаша, словно молоденькій побѣгъ вытянулась! Ай да дѣвка, я и не знала, что ты у насъ такая мастерица прясть, вся въ мать пошла! молвила бабушка.

Дѣвочки обернулись поглядѣть на Агашу, а та, рдѣя отъ радости, быстро перебирая тоненькими ручонками пряжу, свивала ее съ руки на веретено. Агашѣ было и весело и совѣстно, что ее при всѣхъ

такъ похвалили; не поднимая глазъ, сжимая губы, чтобы не засмѣяться, она вдругъ круто повернула веретено, которое запѣло и загудѣло на всю избу.

— Ай да веретенце! — вскрикнули дѣвочки, — вишь какъ оно поетъ, и гудитъ, и звѣнитъ и, — словно котъ мурлычетъ!

Агаша пуще того принялась прясть, — веретено же пуще пряжняго запѣло. Анна, тонкопряха на все село, умѣла выбирать лучшія веретена и берегла ихъ для дочери; сама же давно пряла на самопрялкѣ. Пѣвучее веретено у дѣвочекъ такая же радость, какъ хорошій кубарь или волчокъ у ребятишекъ.

— Да небось, Агашкѣ что не прясть, у нея вишь какое веретено! не то что мое, сердито сказала Дуняша, ткнувъ свой ручникъ въ уголъ; — пущай мамка купитъ мнѣ такое, и я не хуже ея напряду!

— Эка дѣвка гугула сѣла прясть, такъ и губы надула! Не озорничай, подними ручникъ; коли на красна не пригоденъ, такъ въ рядно пойдетъ! прикрикнула хозяйка.

Дуняшка нехотя подняла и стала сердито прясть.

Ее, какъ меньшую и единственную дочь въ семьѣ, мать избаловала, такъ что она со всѣми братьями, невѣстками и старой бабушкой своей была зубъ за зубъ. Отецъ сулилъ поучить ее, но видно до ученія дѣло еще не доходило. Дуня озорничала и дома и съ подругами; но тамъ, гдѣ ей воли не давали, скрѣпя зубы, дѣвочка стихала и была на видъ не хуже другихъ.

Вотъ и смерклось; бабушка Арина, обобравъ у дѣвочекъ напряденные ручники, стала по два или по три одноручника сматывать на одно большое веретено и эти–то большія веретена, что называются початками, положила сушить на печурку. Дѣвочки же, тѣмъ временемъ, залѣзли на печь и на полати, и, тѣсно усѣвшись другъ подлѣ дружки, стали забавляться сказками да побывальщинками. Разумѣется, деревенскія побывальщинки тѣ же сказки небылицы! но чѣмъ такая побывальщинка нелѣпѣе и страшнѣе, тѣмъ она занимательнѣе.

— Вотъ, говорила одна дѣвочка, — шелъ разъ солдатъ на побывку домой, проходилъ онъ турецкой землею, все песками сыпучими, камнями горючими: и песокъ тотъ не нашинскій, а все пронизки и камни не здѣшніе, все самоцвѣтные.

— Взаправду? спросили дѣвочки разсказщицу.

— Взаправду! отвѣчала та, даже была готова побожиться въ томъ, что все это истина.

— Вотъ, продолжала она, — солдатикъ наложилъ себѣ полну пазуху каменьевъ, а пронизковъ насыпалось съ сапоги столько, что еле домой дошелъ; и какъ пришелъ, такъ тамъ всѣхъ дѣвчатъ одарилъ.

— Вишь счастливыя! сказали слушательницы.

— И всякія тамъ были бабуреки, — и синенькія и бѣленькія? спросила Агаша.

— Вѣстимо, что всякія! въ одинъ голосъ отвѣтили дѣвочки.

Замѣтно было, что этотъ разсказъ пришелся по вкусу; дѣвочки вѣрили ему, и

сами въ свою очередь готовы были божбой подтверждать истину его.

— А вотъ, сказала одна изъ маленькихъ пряхъ, — Акимъ сказывалъ, что въ Питерѣ, въ царскихъ огородахъ, на деревьяхъ крендели ростутъ да витушки съ пряниками.

— Ой ли! завистливо крикнули дѣвочки, — вотъ бы намъ куда сбѣгать!

— Эхъ вы дуры, дуры! сказала въ одно слово Анна съ бабушкой Ариной, — вы уши–то развѣсьте, такъ Акимъ вамъ чухи съ три короба наплететъ.

— Да онъ божился, оправдываясь сказала разсказщица.

— А ты божбѣ не вѣрь; коли кто Бога не слушается, Его имя въ пустякахъ призываетъ, тотъ не постыдится и людей оплести да обмануть, — добавила бабушка Арина.

Дѣвочки затѣяли сказывать сказки, расказали Лутонюшку, Дѣвочку снѣгурочку, Емелю дурачка и еще про дурака Иванушку, что отцову корову въ чужомъ лѣсу сухой березѣ продалъ.

Весело сумерничать зимою въ теплой избѣ да были и небылицы слушать, а еще веселѣй какъ нащепятъ пукъ лучины, воткнутъ въ свѣтецъ, а она затрещитъ на всю избу; взрослые и ребятишки повалятъ съ полатей, всякъ выбираетъ мѣстечко, гдѣ посвѣтлѣе да попріютнѣе. Вотъ и Анна зажгла лучину, сѣла за самопрялку, полѣзли и дѣвочки съ полатей за роботу, а сами межъ собой уговариваются, кому чередъ сказку сказывать.

— Теперь, дѣвки, давайте страшныя сказки сказывать!

— Матрешка, сказывай про медвѣдя да про старуху! рѣшили всѣ въ голосъ.

Матреша, усѣлась за пряжу, вперила глаза, уставясь въ самый гребень, и стала сказывать: — Жилъ–былъ старикъ со старухой, у нихъ не было дѣтей. Вотъ поѣхалъ старикъ въ лѣсъ за дровами; нарубилъ дровъ и повезъ домой. Ѣхалъ, ѣхалъ, да и наѣхалъ на медвѣжью берлогу; глянулъ въ нее, а тамъ лежитъ большущій, пребольшущій медвѣдь, — лежитъ и спитъ. Вотъ старикъ подкрался съ топоромъ къ

берлогѣ, да какъ хватитъ медвѣдя! ногу на–прочь отсѣкъ, а медвѣдь все спитъ; старикъ схватилъ ногу, положилъ на возъ и поѣхалъ въ деревню.

«Вотъ пріезжаетъ и говоритъ женѣ: — На, возьми, старуха, свари изъ медвѣжьей ноги щецъ на ужинъ, а изъ шерсти варишки свяжи.

«Старуха затопила печь, приставила котелокъ съ медвѣжьей ногой, а шерстку стала щипать да чесать. Вотъ, дѣвки, проснулся медвѣдь; — глядитъ, а ноги–то у него нѣтъ, какъ нѣтъ! — Постой, думаетъ онъ, — я по слѣду найду виноватаго!

«Сперва–наперва повалилъ большущую липу, сдѣлалъ себѣ изъ липы ногу; попробовалъ, — ничего! ходить можно! вотъ и пошелъ въ старикову деревню, идетъ да поетъ:

Скрипи, скрипи моя, липовая нога!
Всѣ по селамъ спятъ,
Всѣ по деревнямъ спятъ,
Одна баба не спитъ,

На моей кожѣ сидитъ,
Мое мясо варитъ,
Мою шерстку прядетъ.

«— Старикъ, а старикъ, говоритъ старуха, — никакъ это медвѣдь идетъ, да пѣсню поетъ?

«— Вона чего вздумала! сказалъ старикъ, — медвѣдь теперь спитъ, — а это вѣтеръ гудитъ.

«— Скрипи, скрипи, моя липова нога, заговорила Матреша толстымъ медвѣжьимъ голосомъ,

Всѣ по селамъ спятъ,
Всѣ по деревнямъ спятъ,
Одна баба не спитъ...

Вдругъ вѣтеръ загудѣлъ, дѣвочки со страхомъ оглянулись.

— Ой боязно! вскрикнула Агаша.

Всѣ по деревнямъ спятъ,
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,

Мое мясо варитъ,
Мою шерстку прядетъ.

— Старикъ, а старикъ, говоритъ старуха, — вѣдь это медвѣдь за своей ногой идетъ!

— Пряди знай! сказалъ старикъ, — медвѣдь въ берлогѣ спитъ, а это вѣтеръ гудитъ. А медвѣдь–то уже сталъ ворота отворять...

Вдругъ, на самомъ дѣлѣ, ворота Аннины отворились, и кто–то вошелъ въ сѣни; Дуня взвыла: — Ой батюшки! медвѣдь идетъ! и тотчасъ полѣзла прятаться на печь; за нею шарахнулись другія дѣвочки; Агаша, спрятавшись за мать, тихонько плакала. Въ избу вошелъ Кирюша, Агашинъ братъ.

Бабушка Арина со смѣху руками всплеснула.

— Ахъ, свѣтъ ты нашъ Кирюша! посмотри, какого страху задалъ! всѣ дѣвки отъ тебя попрятались, думали, что медвѣдь на липовой ногѣ идетъ да поскрипываетъ.

— Дуры! крикнулъ мальчикъ, поглядывая на печь. — А какъ мы знатно

сиротскую избу справили! сказалъ онъ матери, — кто завтра мимо пройдетъ, низачто не признаетъ! крышу соломой покрыли да соломенными же веревками обтянули, хлѣвъ справили, вотъ что! весело закончилъ мальчикъ.

— Исполать вамъ! молвила бабушка, — садись, скоро ужинъ собирать станемъ. — Эй, дѣвки, слѣзайте что ли, Кирюша васъ не съѣстъ!

Дѣвочки обратно полѣзли съ печи и принялись за работу, только Дуня еще не угомонилась и выла, приговаривая: — Хоть умру здѣсь, а домой не пойду! меня дорогой медвѣдь съѣстъ!

— Не съѣстъ, утѣшала ее Агаша, — васъ много пойдетъ, да еще братъ проводитъ, — право не съѣстъ!

— Съѣстъ! говорила Дуня.

— Право же не съѣстъ, твердила Агаша, — ты, Дуня, забейся въ середку, тамъ онъ до тебя не доберется.

— Ужь на что есть Божья воля, то ее не минуешь! сказала бабушка Арина, — ну вотъ я вамъ, дѣвки, разскажу, что въ

святой книгѣ вычитала: Жилъ былъ одинъ благочестивый старецъ; понадобилось ему идти въ дальній городъ. Вотъ, шелъ онъ долго, сталъ проходить большимъ селомъ, со всего села сбѣжались ребятишки и ну его дразнить и кричать: — вишь плѣшивый какой! плѣшакъ, а плѣшакъ! кричали они и бѣжали слѣдомъ за старцемъ. Вдругъ, откуда ни взялись два медвѣдя, бросились на ребятишекъ, — и двухъ мальчишекъ разорвали тутъ же на мѣстѣ.

«Это Господь ихъ наказалъ за то, что они обидѣли старца; а въ Законѣ Божьемъ сказано: не обижай пришлеца, кланяйся сѣдинѣ, уважай стариковъ.

«Что было встарь, то ину пору и нынѣ случается! Вы, что думаете, можетъ и взаправду медвѣдь разорветъ Дуньку за то, что она надъ своей слѣпой бабушкой озорничаетъ? Когда жила я по сосѣдству съ ними, у меня, бывало, сердце выболитъ за старуху! вѣдь Дунька–то ковша воды не подастъ бабушкѣ, а ужь, чтобы когда ее въ церковь или къ сестрѣ сводить, — такъ просто и не поминай!

Дуня взвыла пуще прежняго. Дѣвочки, робко переглянувшись, спросили: — Арина Васильевна, это взаправду было?

— Что взаправду? Что Дунька бабушку свою обижаетъ? Правда, сущая правда, и Господь ее за то покараетъ!

— Нѣтъ, бабушка, мы спросили про старца и про ребятъ, — взаправду ли то было? сказали дѣвочки.

— Взаправду было, отвѣчала бабушка Арина.

Всѣ вздохнули, Дунька, лежа ничкомъ, голосила, а Маша, изъ жалости, плакала съ нею.

— Ну что, бабушка, начто дѣвчатъ стращаешь! сказала Анна старухѣ.

— Я не стращаю, а говорю правду, отвѣчала та, — говорю, что Богъ наказываетъ за непочтенье къ отцу и матери и къ старшимъ.

— Бабушка, золотенькая, говорила Агаша, вѣшаясь на шею старухѣ, — а коли Дуня не станетъ грызться съ бабушкой, вѣдь тогда медвѣдь не съѣстъ ее?

— Коли не за что будетъ, такъ вѣстимо не съѣстъ!

— Агаша съ двумя дѣвочками бросилась на печь утѣшать Дуню, та долго барахталась, ревя и крича: «Съѣстъ, безпремѣнно съѣстъ!»

— Да, не съѣстъ же! уговаривали ее подруги.

Мало–по–малу, всѣ успокоилось; сѣли за ужинъ. Зарёванная, распухлая Дунька ѣла не хуже другихъ. Когда же дѣло пришло идти по домамъ, бабушка Арина взялась развести трусившихъ дѣвчонокъ по домамъ. Ухватясь за сарафанъ старухи, Дуня шептала ей, чтобъ она заслонила ее отъ медвѣдя, а что она Дунька ни впредь, ни послѣ обижать бабушку свою не станетъ.

— Ладно! сказала Арина Васильевна, и, взявъ сильной рукой дрожавшую дѣвочку, повела ее къ матери.

Подлѣ Настасьиной избы, Арина встрѣтила попадью. Ласково поклонились старушки другъ другу; Арина повела свою вереницу далѣе, а попадья, вошедъ въ домъ и набожно перекрестясь на образа, съ

чувствомъ сказала священнику: — Правда твоя, батюшка, не намъ мудрствовать да надумывать, чѣмъ Господу помочь намъ; а какъ ты сказалъ, такъ и надо дѣлать, — просить Его Святой воли!

— Мало ли я, глупая, сегодня перебирала въ умѣ: и прибралъ бы Богъ ребятишекъ, и взялъ бы за ними Настасью... а теперь, гляди–ка, что сталось: Настасья разбогатѣла, все село жалѣетъ объ ней, какъ о кровной; дѣвочка выздоравливаетъ, — да чего лучше этого надо!

— Только и надо, чтобы люди Бога помнили, да другъ друга жалѣли! сказалъ священникъ.

В. ДАЛЬ